

ТВОРЧЕСТВО М. БОГДАНОВИЧА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СИМВОЛИЗМА

Жиркевич Татьяна Ивановна

старший преподаватель кафедры литературы и межкультурных коммуникаций учреждения образования “Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова”
(г. Могилев, Беларусь)

Европейский символизм переживал свой расцвет в конце XIX века. «Символизм предстал последней стадией трансформации романтизма в пределах XIX столетия, органически связанной со всем предыдущим опытом и в то же время устремленной к «новой поэтике» – т.е. предстал классическим вариантом искусства переходной эпохи» [6, с. 71].

Увлеченность «новой поэтикой» позволила французским поэтам-символистам взглянуть по-иному на классические поэтические формы, раздвинуть рамки и увидеть необъятные просторы для экспериментов.

В это же время получает возможность развивать свои национальные особенности белорусская литература. Исторически сложилось так, что долгое время белорусы не могли в полной мере внедрять в свой литературный процесс те прогрессивные литературные веяния, которые широко использовались в европейском искусстве. Поэтому символистическая поэзия в белорусской литературе развивалась параллельно с другими направлениями – реализмом, натурализмом, романтизмом. «... За восем – дзевяць год свайго праўдзiвага iснавання наша паэзія прайшла ўсе шляхі, а пачасці i сцэжкі, каторыя паэзія еўрапейская пратаптывала болей ста год» [2].

Развитие символизма в Беларуси было связано с формированием национальной идеи, которая нашла выражение в деятельности поэтов и писателей газеты «Наша ніва» (Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, В. Ластовского, К. Каганца, М. Горецкого и др.). Как отмечается литературоведом Л.К. Тарасюк, «у пачатку XX ст. у беларускай літаратуры адбыўся своеасаблівы рамантычны рэнесанс» [7, с. 29]. Белорусские поэты воспевали в первую очередь национальные традиции, связанные с фольклорно-мифологическими образами, но также в силу собственных литературных вкусов и пристрастий белорусские поэты широко опирались на опыт французских или русских символистов конца XIX – начала XX века. Можно также отметить, что у белорусских мастеров слова все же не было столь резкого разрыва с реалистическими и романтическими традициями, как у западноевропейских символистов. Об этом не раз заострялось внимание в белорусском литературоведении: «Самыя верхнія рэгістры рамантызму ўступалі ў сугалоссе з тагачаснымі мадэрнісцкімі павевамі» [5, с. 103].

М. Богданович был одним из тех, кто популяризировал европейскую литературу, с живостью перенимал самые актуальные и современные тенденции, что, с одной стороны, способствовало возникновению импрессионистической и символистской образности в его произведениях, а с другой – усиливали декадансные мотивы хрупкости и уязвимости бытия.

Как известно, декадентское мироощущение нашло свое выражение в творчестве французских символистов П. Верлена, А. Рембо и др.

Если учитывать увлечение Богдановичем поэзией Верлена (перевел 22 стихотворения), то декадентские мотивы, по мнению П. Васюченко, нашли отражение и в творчестве белорусского певца [4, с. 8]. Но Богданович прекрасно осознавал различия между декадансом и своей эстетической программой. «Для яго дэкадэнцкая плынь была адной з тых літаратурных «майстэрняў» Еўропы, у якую трэба было «зазірнуць» і беларускай літаратуры, каб не выбівацца з еўрапейскага агульнакультурнага кантэксту» [1, с. 149].

Своеобразной данью декадансу является цикл «Каханне і смерць», в котором акцентировано внимание на мифологических символах смерти, которую поэт воспринимает как страшную несправедливость, когда в небытии исчезает человек с его уникальным мировосприятием, неповторимостью мыслей и чувств. Среди рассуждений о неизбежности смерти просматривается мысль о значимости жизни: «Жывеш не вечна чалавек, – Перажыві ж у момант век!» [2, с. 121].

По мнению исследователя И. Богданович, отголоски декаданса звучат в некоторых натуралистично-эротических стихотворениях поэта. «Яго эстэтызацыя эрасу была прыгожым беларускім эпізодам у еўрапейскім дэкадансе, які сведчыў, што нічога недаступнага для беларускай паэзіі на пачатку ХХ ст. ужо не існавала» [1, с. 150]. Но еще раз отметим – декаданс для Богдановича не был свойствен в той степени, как он проявлялся в европейской литературе. Для поэзии белорусского мастера слова больше были характерны импрессионистические и символические мотивы.

Поэзия Богдановича выделяется утонченностью и особой образностью, что дает некоторым исследователям причислить его к поэтам «чистого искусства». Например, Я Лёсик высказал следующее рассуждение: «Устанавіўся такі пагляд, што Максім Багдановіч – паэта чыстага мастацтва. Гэтым хочучь сказаць, што ў яго літаратурнай творчасці форма пануе над зместам, што яго не так цікавіць змест, як тая форма, у якую выліваецца гэты змест...» [1, с. 148].

Опираясь на опыт лучших поэтов-символистов своего времени, Богданович стремился найти новые эстетические категории для выражения своих ощущений и переживаний. Его символике чужды нарочитость, абстрактная неясность, туманные иносказания. За символами Богдановича стоит радость и скорбь, жизнь и страдание во всей их полноте. В его лирике, несмотря на

сложность отраженных в ней духовных переживаний, не исчезла непосредственная, земная сила чувств и слов. Роднит белорусского поэта с символистическим течением желание показать красоту родного языка, его музыкальность (Богданович в свое время подхватил верленовский призыв «Музыка прежде всего!»), живописность и выразительность. «Чистое искусство» стихотворений белорусского певца не противоречило национальному духу и патриотическому пафосу, а скорее сливалось в органичное единство. Наглядным примером может послужить образ василька, скромного и самобытного, но при этом ставшего в стихах поэта эстетическим и художественным символом поэтического мастерства. Этот цветок в поэтике Богдановича стал патриотическим символом родины, которая была только в начале пути своего исторического становления. Василек, потерявшийся среди буйной растительности полей, скромный и незаметный, символизирует родную, но малоизвестную Беларусь. Особенно остро этот символ осмысливается в стихотворении «На чужбине», где автор контрастно использует образы «прыгожих кветак» и «забытага васілька», который напоминает «у багатай чужане Аб беднай, далёкай сваёй старане». Василек согревает сердце поэта в чужих краях, а в поэтическом осмыслении становится еще и символом духовности, самобытности белорусского народа.

М. Богдановича сближает с Верленом стремление к звуковой организации стиха, ритмической выразительности, тонкость и музыкальность стихотворений, разнообразие и плавность ритма, постоянное оттачивание поэтических форм. Во многом белорусский поэт перенял у французского исповедальный характер лирики, раздумья о жизни, человеке, природе, искусстве, созерцательный взгляд на действительность. Богданович восхищался пластикой символичной образности Верлена, богатством смысловых нюансов, что нашло отражение в «Майской песне» белорусского поэта, эпиграфом к которой послужили слова Верлена «Музыка прежде всего!»

Также Богданович обратил внимание на цикл стихотворений Верлена «Мудрость» («Sagesse»), из которого перевел стихотворение IV части III – «Ціхі і сіні блішча над хатай...». В стихотворении внешний мир не имеет движения, борьбы, активности: небо очень спокойное, колокола тихо звенят, птица тоскливо поет и т.д. Жизнь спокойна, размеренна, даже звуки города приглушены. Но в мятущейся душе рождается вопрос: «Горка наведдай, што жа зрабіў ты / З дзён маладых?» [2, с. 170]. В нем с горестным ощущением шаткости жизни чувствуется философское размышление о ее скоротечности, что связано с тяжелыми жизненными обстоятельствами.

Многие свои стихотворения М. Богданович сопровождал эпиграфами, взятыми из поэзии Верлена и Сюлли-Прудона, что свидетельствует о тесной взаимосвязи с европейским литературным процессом.

Наравне с французским символизмом в творчестве Богдановича можно отметить влияние русского символизма, в особенности поэзии А. Блока. С русским поэтом Богдановича сближает поиск путей преодоления человеческого одиночества, изолированности, путей слияния своеобразного мировосприятия с чем-то общим, мировым. Показательно в этом отношении стихотворение “Шмат у нашым жыцці ёсць дарог...” [2, с. 134]. Здесь противопоставление смысловых слов и фраз “*мы сайдзёмся, спаткаемся там*” и “*адзінока йшлі... паспяшаліся так*” свидетельствуют о желании убедить людей не сторониться друг друга, а пытаться преодолевать одиночество.

Влияние А. Блока на выбор сюжетной тематики белорусского поэта чувствуется в стихотворении “Дзве смерці” [2, с. 103], где встает тема самоубийства человека, доведенного до отчаяния. Короткий, но конкретный эпиграф к стихотворению мотивирует возникновение сюжета: “*Учора на Мяшчанскай вул., д.№ 17, атруцілася сінільным квасам І. Іванова. Прычыны самагубства невядомы*” [2, с. 103]. Эта ссылка позволяет соотнести стихотворение Богдановича непосредственно с блоковским «Из газет», где открыто не говорится о причине самоубийства, но в подтексте чувствуется душевная боль и отчаяние женщины: “*Мама не могла...*” [3, с. 83].

В символистической поэзии большое распространение получила урбанистическая тема. При разработке образа города в своем творчестве Богданович также опирался на творчество русского поэта, хотя смог найти и собственные неповторимые выразительные средства, которые более всего отражали восприятие и душевное настроение белорусского поэта.

В первую очередь стоит отметить в описании города Богдановичем бесприютность и тоску, сожаление, что в городе “*няма прастора дзеля прыроды буйных сіл*”, он враждебный “*да палёў, лясоў, капцоў, магіл*” [2, с. 99]. Предметность и насыщенность уличных пейзажей усиливают одиночество и делают город мрачным и отчужденным. Спасением от власти каменных строений может быть только в соединении с природой, которая врывается на улицы “*дзікім хмелем*” “*сп’яналай мяцелі*”, “*гулянкай*” мифологического пана Падвея [2, с. 100]. Здесь можно почувствовать отзвуки блоковских “снежных” символов. Но Богданович прибегает к помощи национальных образов белорусской мифологии, что соответствует его эстетической установке на самобытность.

Таким образом, М. Богданович, испытывая определенное влияние западноевропейской и русской литератур в разработке символистических образов, соотнося заимствованное с собственными эстетическими взглядами, создал неповторимую систему символистической поэтики с учетом национальных особенностей. Символизм Богдановича далек от искусственной, абстрактной выразительности, туманной иносказательности. В его творчестве чувствуется земная сила чувств и слов, а за символами стоят конкретные радость и тоска, любовь и боль, жизнь и страдания.

Літаратура

1. *Багдановіч, І. Э.* Авангард і традыцыя: Беларуская літаратура на хвалі нацыянальнага адраджэння / І. Э. Багдановіч. – Мінск : Беларуская навука, 2001. – 387 с.
2. *Багдановіч, Максім.* Поўны збор твораў : у 3 т. Т. I.: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды / Максім Багдановіч. – Мн. : Навука і тэхніка, 1992. – 752 с.
3. *Блок, А.* Избранные сочинения / А. Блок, В. Маяковский, С. Есенин / редкол.: Г. Беленький [и др.]; вступ. ст., сост. О. Смолы / А. Блок. – М. : Худ. лит., 1991. – 702 с.
4. *Васючэнка, П.* Славянскі сімвалізм: нацыянальна-адметнае і агульнае / даклад на XII Міжнародным з'ездзе славістаў. – Мінск : Мінскі дзярж. лінгвістычны ўн-т, 1998. – 18 с.
5. *Гніламёдаў, У. В.* Янка Купала: Жыццё і творчасць / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – 363 с.
6. Зарубежная літаратура XX века : учеб. / Л. Г. Андреев, А. В. Карельский, Н. С. Павлова [и др.]; под ред. Л. Г. Андреева. – М. : Высш. шк., 1996. – 575 с.
7. *Тарасюк, Л. К.* Мастацкія кірункі і плыні ў беларускай паэзіі XIX – пачатку XX ст. / Л. К. Тарасюк. – Мінск : Беларуская навука, 1999. – 280 с.